

Грамматика и стилистика прагматического выбора

ОЛЬГА А. КРЫЛОВА, СЕРГЕЙ Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
ЕЛЕНА Н.РЕМЧУКОВА
(Москва)

От проблемы устройства языка¹, занимавшей лингвистов первой половины XX века, внимание языковедов во второй половине столетия переключилось на проблему функционирования языка. Поэтому если первая половина XX века характеризовалась процессом эмансипации лингвистики, выработкой собственно лингвистических методов и своего терминологического аппарата, то теперь, на исходе столетия, наоборот, всеми учеными отмечается тенденция к усилению связей лингвистики с другими науками, которую можно образно назвать “экспансионизмом” современной лингвистики (Кубрякова 1995: 278-280).

Другой важной чертой современной лингвистики является ее антропоцентризм. В свете сказанного считаем актуальной разработку такой теории грамматики и стилистики, которая, во-первых, отразила бы интегральные процессы в их развитии, во-вторых, описывала и объясняла бы механизм функционирования языковых единиц, связав его с прагматической направленностью речевой деятельности субъекта-говорящего. Принципы именно такой лингвистики (точнее, - грамматики и стилистики) излагаются в данной статье.

* * *

1 Статья подготовлена в соответствии с научной программой “Экспрессия: ее виды, источники и текстовые функции”, получившей грант Госкомвуза за фундаментальные исследования в области филологических наук. Руководитель программы О.А. Крылова.

Если обратиться к истории развития грамматики, то с известной долей приближения можно констатировать, что морфология и синтаксис прошли за последнее столетие в своем развитии два этапа. В морфологии первый этап связан с описанием форм словоизменения и тем самым - с построением системы, которую можно назвать парадигматической морфологией. Развитие этого подхода привело к тем достижениям, которые хорошо известны как концепция Московской лингвистической школы, у истоков которой стоял Ф.Ф.Фортунатов.

Но, описав парадигматические свойства морфологической системы, этот подход исчерпал себя. Развитие морфологии поставило на повестку дня вопрос о функциях грамматических единиц.

Развитие синтаксиса шло несколько иначе, поскольку в первой половине XX века утвердился так называемый "структурно-семантический" подход к изучению и описанию синтаксических единиц (см., например, работу А.А. Шахматова 1941 года), и лишь позже, не без влияния морфологии, усилился крен в сторону "чистой" парадигматики, проявлением чего явилась идея создания конечного списка структурных схем простого предложения (*Русская грамматика* 1980). Но и этот, парадигматический синтаксис не стал конечным итогом развития грамматической мысли, поскольку, как известно, идея описания и синтаксических единиц в функциональном аспекте утвердилась в настоящее время окончательно.

Таким образом, грамматика подошла в своем развитии ко второму этапу, который связан с обращением исследователей к выявлению и описанию функций грамматических единиц и созданием так называемой функциональной грамматики. (Хотя следует заметить, что само понятие функции в лингвистике не получило при этом однозначной трактовки.) Естественным образом описанный процесс затронул и стилистику, которая именно в это время стала развиваться именно как стилистика функциональная (А.Н. Васильева, М.Н. Кожина, Т.Г. Винокур, В.В. Одинцов, В.Г. Костомаров, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, О.Б. Сиротинина, О.А. Крылова и мн. др.)

Однако созданная к настоящему времени под названием функциональной, грамматика в целом оказалась по существу не столько функциональной, сколько универсальной, напоминающей по своей идее рациональную грамматику Пор-Рояля, ибо то, что современная Петербургская школа называет функцией, на самом деле представляет собой набор базовых семантических комплексов, с необходимостью оформляемых любым языком через систему грамматикализованных отношений. Изначально, в со-

ответствии с пониманием лингвистов Пражской школы, функция была так или иначе контекстуально обусловлена, в понимании же лингвистов Петербургской школы функция не только внеконтекстна, но и соотносима скорее с универсальным, чем с идиоэтническим в языке. Эти функции оказались заданными как бы априорно, и ни их наличие, ни их иерархия не были, вопреки заявкам авторов такой функциональной грамматики, подтверждены.

По нашему мнению, развитие грамматики вступило сейчас в третий этап, когда обозначенные в начале статьи, во введении, тенденции к антропоцентризму и подлинному функционализму могут быть в полной мере реализованы в силу усиления интеграционных процессов в сфере филологических дисциплин.

Для того, чтобы хотя бы в общих чертах определить предмет той лингвистики (грамматики и стилистики), которую мы намерены предложить, необходимо установить различия между тем, что принято относить к объекту “сильной” семантики и “слабой” семантики. Несмотря на значительно усилившееся внимание к семантическому аспекту языковых единиц (вспомним известный “шторм” семантики, обозначившийся в 60-ые годы), несмотря не чрезмерно усложнившуюся терминологию, призванную как будто детализировать и дифференцировать явления в семантической сфере языка, до настоящего времени еще не сложилось четкого представления о необходимости разграничивать два явления: инвариантное (т.е. собственно языковое) и вариантное (т.е. контекстуально обусловленное) значение языкового знака. В одной из терминологических систем (Мельников 1979) первое предлагается называть значением, а второе - узуальным смыслом. Таким образом, подлинно функциональная лингвистика должна: а) осуществить системное описание узуальных смыслов, б) выявить предпосылки возможного перехода узуального смысла в значение и в) предложить типологию позиций, необходимых для возникновения вариантов узуального смысла на базе данного значения. Осуществляя эти задачи, подлинно функциональная лингвистика как бы отвечает на вопросы: Почему именно данное значение провоцирует формирование данных узуальных смыслов? В каких контекстуальных условиях возникшие варианты, системно подкрепляя друг друга, переходят в узуальный смысл, а затем и в языковое значение?

Количественное соотношение между языковыми и узуально-смысловыми значениями складывается асимметрично: одно значение порождает

несколько узуальных смыслов. Таким образом, описываемый функциональный подход в значительной степени является **стратегией выбора вариантов** и состоит в анализе степени свободы вариативности в рамках грамматической системы, которая, как известно, отличается большей жесткостью и заданностью в сравнении с другими ярусами языка.

Примером различия двух описанных подходов (т.н. функционального, как он сложился к настоящему времени, и предлагаемого нами) может служить интерпретация системы видовременных форм и определение их значений в текстах. При общей - абсолютно справедливой - посылке, состоящей в том, что вид и время представляют собой эгоцентрические категории, конкретным видо-временным комплексам обычно приписывается определенная семантика (значение - в определенном выше понимании этого термина), в результате чего нередко оказывается, что узуальные смыслы приобретают вид семантических стандартов или же аномалий языка, а не данной функциональной разновидности текста. Так, нарратив рассматривается как универсалия, присущая языку любого строя и не детерминированная его спецификой. Следовательно, становится возможным механическое соотнесение нарративных текстов и механическое же выявление их общих прагматических параметров. (См.: Падучева 1996) Между тем, попытка описания видо-временного комплекса как системы должна привести к выявлению вариативных возможностей, специфических именно для данного языка и текстов именно данной функциональной направленности. Такого типа функциональный подход и такая грамматика может быть названа **грамматикой прагматического выбора** (или просто **прагматической грамматикой**). (Ср. с утверждением Т. ван Дейка о том, что прагматический компонент должен быть включен в грамматическую теорию, которая превращается в систему правил, характеризующих языковую форму, значение и деятельность.- Dijk T.A. van1981: 49-66).

Здесь уместно поставить вопрос о сущности прагматического компонента и - шире - о понимании нами прагматики, поскольку единство в трактовке и этих понятий до сих пор не достигнуто. В нашем понимании прагматика представляет собой, в первую очередь, **текстовое явление**, причем текст понимается весьма широко: не только как микротекст, или сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) и не только как целое произведение, но вообще как реализация речевых интенций субъекта, как то речевое пространство, которое "творится" говорящим.

Таким образом, мы констатируем уже не сам факт наличия/отсутствия какой-то функции языковой единицы, а ее конкретное проявление в этом речевом пространстве, т. е. в различных типах текстов.

Сказанное можно проиллюстрировать функционированием категории рода имен существительных. Инвариантным грамматическим значением (в указанном выше, терминологическом смысле этого слова) категории рода является потенциальная способность имени занять синтаксическую позицию инициатора события. Это подразумевает, что три родовых маркера по-разному градуируют названный потенциал: наиболее вероятными в названной позиции оказываются существительные мужского рода, наименее вероятными - имена среднего рода; женский род может рассматриваться как нейтрализация этих двух крайних позиций. Поэтому позиция синтаксического согласования по роду для двух существительных в пределах одного контекста определяется не столько тем, насколько одно из них может рассматриваться как носитель значения субстанции, а другое - как носитель значения признака, сколько тем, какую синтаксическую позицию занимает каждый из компонентов этой пары (что особенно заметно при их дистантном расположении). Например:

(1) Не уголь жжет мне пазуху,
Не воск - утроба топится
О камень - тело жаркое,
На пляс - красу орлиную
- Разбойный ножик точится!

(Н.Клюев)

Нейтрализация мужского рода, подчеркнутая согласованием атрибута-прилагательного с немужским субстантивом (“красу орлиную”, “тело жаркое”), проходит по среднему и женскому роду, так как оба словосочетания занимают позиции косвенных актантов, а не инициатора события.

(2) И самовольно встает
Полулетающее виденье:
Средь вас я феникс одряхлевший
В который раз, над дымной глубиной
Неистребимая, я на костре воскресну,
.....

Сквозь дым и хор Психея слышит
Далекий погребальный звон (Вагинов).

Этот поэтический текст также показателен: в нем мы обнаруживаем все признаки нерелевантности противопоставления по семантике пола одушевленных имен, которые приписываются авторскому “я”. Прилагательное “неистребимая” предидируется авторскому “я”, казалось бы, без всякого на то основания, и лишь затем возникает субстантив “Психея”.

Следовательно, при описанном - прагматическом - подходе категории из классифицирующих превращаются в актуализирующие. Актуализирующие функции грамматических категорий прослеживаются в различных типах текстов, так как формально одни и те же ситуации могут по-разному интерпретироваться в зависимости от общего контекста высказывания. В поэтическом языке очень часто встречается транспозиция форм не только рода, как в вышеприведенном примере, но и числа, и одушевленности / неодушевленности. Примером текстов, выявляющих актуализирующую природу категории одушевленности/ неодушевленности могут служить следующие тексты:

(1) У нас соседка , 38 лет, недавно замуж вышла. - Наверное, за семидесятилетнего? - В 38 лет можно выйти за что угодно (Володин. *Пять вечеров*).

(2) [Двое спорят о том, что такое авокадо - фрукт или овощ. Следует предложение:] Боже мой, да посмотри в словарь: кто же он, наконец! (разговорная речь).

В этих текстах местоимения кто и что противопоставлены не по признаку одушевленности/ неодушевленности, а по другим признакам: в первом тексте эффект деперсонификации сопровождается оценкой презрительности, призванной обозначить ущербность обозначенного объекта речи, во втором - напротив, - шутливая персонификация подчеркивает если не важность, то , по крайней мере, принципиальность вполне уместного вопроса и тем самым существование для говорящего обозначенного объекта речи. В этих случаях имеет место грамматическая метафора, возможности которой в некодифицированных текстах еще недостаточно изучены.

Как явствует из примеров, предложенное понимание прагматики - достаточно широкое - смыкается с той трактовкой прагматики, которую находим в работах Ю.С. Степанова, считавшего прагматику “такой дисциплиной, предметом которой является связный и достаточно длинный текст - дискурс, соотнесенный с главным субъектом - «Его» всего текста...” (Степанов 1981: 325-332)

Отсюда следует, что любое функционирование единиц и категорий в тексте, в речевом пространстве, заданном говорящим, - это область прагматики: текст является речевым пространством и именно типы текстов выступают как тот "речевой сценарий", в зависимости от которого на первый план выдвигаются различные функции языковых категорий и единиц - или когнитивная, или коммуникативная, или эстетическая. Иными словами, наблюдается варьирование функций категорий и единиц в зависимости от типов "речевого сценария".

Это одна сторона дела, но есть и другая. Она заключается в том, что грамматика прагматического выбора (прагматическая грамматика) состоит из двух взаимосвязанных и взаимообусловленных частей: грамматики говорящего и грамматики слушающего. Второму из названных компонентов обычно уделяется гораздо меньше внимания, чем первому. Причины этого мы видим, во-первых, в том, что грамматика слушающего более имплицитна, т.е. располагает меньшим количеством специализированных средств, а во-вторых, в том, что она в большой мере опосредована грамматикой говорящего. Но в аспекте прагматического подхода грамматика слушающего не менее важна, чем грамматика говорящего, а в ряде случаев оказывается даже определяющей. В частности, так интерпретируется во многих работах зарубежных лингвистов понятие дискурсов (иначе - речевых жанров), когда жанр интерпретируется именно как *актуализация презумпции ожидания слушающего*. В связи с этим следует ввести очень важное для нашей концепции грамматики и стилистики прагматического выбора понятие: *степень конвенциональности*, которая понимается как совпадение/несовпадение стандарта ожидания слушающего и речевой интенции говорящего. Именно здесь и заключен источник любого вида экспрессии. При наименьшей степени конвенциональности текста наблюдаются такие явления, как различного рода транспозиции, метафоризация грамматических единиц, например: *Ты все по Парижам разъезжаешь, а я дома сиди!* (разговорная речь); *Вы почему людей толкаете?* [Кто-то толкнул случайно одного человека].

При большой степени конвенциональности не предполагается значительная интерпретационная работа слушающего, при меньшей степени конвенциональности - напротив, текст допускает и даже требует большой интерпретационной деятельности слушающего, а значит, большие возможности для выбора.

Введенное нами понятие степени конвенциональности - это то звено, которое является общим для грамматики и стилистики и обеспечивает их интеграцию в рамках лингвистики прагматического выбора. В частности, понятие степени конвенциональности, обуславливающее распределение ролей между говорящим и слушающим, может быть положено в основу типологии жанров. На этом основании все жанры могут быть разделены на два класса: 1) конвенциональные и 2) неконвенциональные. В первых соотношение ролей говорящего и слушающего можно представить в виде такой "формулы": "Я (говорящий) даю тебе (слушающему) информацию и исключаю выбор интерпретационного решения с твоей стороны". Во вторых: "Я даю тебе информацию и разрешаю выбрать любую интерпретацию". Например, к первым относится жанр научного доклада, обращенного к специалистам, а ко вторым - жанр научно-популярной лекции.

С опорой на понятие степени конвенциональности можно интерпретировать и понятия стиля и подстиля в рамках стилистики прагматического выбора. Стили в этом случае предстанут как ряд типизированных позиций говорящего и слушающего. Отклонение от типизации приведет к тому, что порождаемый текст окажется на периферии стиля, а наличие большого числа таких периферийных текстов, по-видимому, и диктует необходимость обозначить это явление некоторым "переходным" термином: таким и оказывается не очень строго определяющийся термин *подстиль*.

До сего дня нерешенный спор о соотношении стилей языка и стилей речи при описанном подходе также может получить удовлетворительное разрешение, если мы примем, что базовые (немногие, но основные) и конвенциональные, и неконвенциональные жанры формируют стили языка, а переходные случаи оказываются в сфере стилистики речи. Поэтому, скажем, в разговорной речи (сфера неконвенциональных жанров) цитатные конструкции типа *Что у тебя молоко скисло, - так это температурные факторы подкачали* воспринимаются как признаки неконвенционального жанра, хотя книжнолитературное, терминологическое словосочетание "температурные факторы" - элемент конвенционального (научного) жанра.

В свете сказанного иное осмысление может получить и понятие "коммуникативной неудачи" (или "коммуникативного сбоя"). Обычно это понятие связывается прежде всего с говорящим и интерпретируется как его ошибка на пути от иллокутивного намерения к его реализации. Если же считать, что сам факт коммуникативной удачи / неудачи является реуль-

татом правильной / неправильной ориентации слушающего на заданный говорящим жанр-контекст, то коммуникативная удача/ неудача возникает на основании наличия или отсутствия необходимых и достаточных для слушающего сигналов-ориентиров жанра. Если их недостаточно, слушающий делает выбор в пользу иной интерпретативной грамматики и происходит прагматический, а затем и семантический сбой. Иллюстрацией сказанного может служить известный анекдот о том, как буфетчица отреагировала на просьбу одного из посетителей кафетерия отпустить ему кофе и булочку:

[Первый посетитель:]

- Мне одно кофе, пожалуйста!

[Второй посетитель:]

- Мне тоже одно кофе и одну булочку.

[Третий посетитель:]

- Адын кофе!

[Буфетчица:]

- Слава богу! Хоть один грамотный нашелся!

[Третий посетитель продолжает:]

- И адын булочка!

Предложенная концепция стилистики прагматического выбора помогает дать единое и устойчивое толкование тому явлению, которое в разные периоды развития лингвистики получало различные терминологические обозначения: *композиционно- словесное единство* (В.В.Виноградов), *речевой жанр* (М.М.Бахтин, Т.Г.Винокур, Т.В.Шмелева и др.), *коммуникативно-смысловой или функционально-смысловой тип речи* (О.А.Нечаева, В.В.Одинцов, Т.Ф.Матвеева и др.), *словесные ряды* (В.В.Виноградов, А.И.Горшков, А.Н.Кожин и др.) В нашей концепции это явление предстает как устойчиво прагматически ориентированный текст, т.е. жанр. Напомним, что устойчивость прагматической ориентации может подразумевать как устойчивую конвенциональность, так и устойчивую неконвенциональность.

* * *

Итак, мы считаем, что в настоящее время лингвистика (в частности, грамматика и стилистика) подошли в своем развитии к третьему этапу. Он характеризуется следующим:

1. Грамматика и стилистика обретают принципиальное единство предмета исследования, снимается противопоставление между семантическим

и стилистическим, стилистическим и прагматическим в рамках грамматики и стилистики прагматического выбора.

2. Разрабатывается грамматика говорящего/ слушающего как принципиально двусторонняя система.

3. В центр этой грамматики и стилистики выдвигается изучение режима выбора вариантов с учетом представления о различиях между инвариантными языковыми значениями и узуальными смыслами.

4. Процесс узуализации грамматики говорящего/ слушающего, реализующийся в определенных типах текстов ("речевых сценариев"), учитывается при делении их на два класса в зависимости от степени конвенциональности.

Литература

- Кубрякова Е.С., 1995, *Смена парадигм знания в лингвистике XX века. - Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции*, ч. 1, Москва.
- Русская грамматика*, 1980, т. 2: *Синтаксис*, под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва.
- Мельников Г.П., 1979, *Системология и языковые аспекты кибернетики*, Москва.
- Степанов Ю.С., 1981, *В поисках прагматики*, "Известия ОЛЯ, серия литературы и языка", т. 40, N 4, Москва.
- Падучева Е.В., 1996, *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва.
- Dijk T.A. van, 1980, *The semantics and pragmatics of functional coherence in discourse*, "Versus", 26/27.

Grammar and Stylistics of Pragmatic Choice

The main subject of the paper is description of the 3-d space of the development of linguistics, which is characterized by working out grammar of speaker/recipient as the principle bilateral system. The essence of this grammar is the study of the process of choosing variants with consideration of differences between the invariant language meaning and its practical usages ("usual senses"). The paper introduces the concept of a conventionality degree as the foundation for the genres typology. Grammar and stylistics acquire the principal unity of the subject under investigation and get the new term of "grammar and stylistics of pragmatic choice".